

- ²³ Якобсон Р. Указ. соч. С. 104, 105.
²⁴ Богатырев П. Воспоминания об Архангельской губернии собирателя произведений словесности. С. 3.
²⁵ Там же.
²⁶ Там же.
²⁷ Там же.
²⁸ См.: ГЛМ. Ф. 329. Ед. хр. 1. № 1–35 ; Ф. 329. Ед. хр. 2. № 36–89. Л. 65–110. Д. б.: 1916 г.
²⁹ Богатырев П. Воспоминания об Архангельской губернии собирателя произведений словесности. С. 3.
³⁰ Краткий отчет о диалектологических экскурсиях

1916 года // Труды Московской диалектологической комиссии. М., 1919. Вып. 8. С. 35.

- ³¹ Богатырев П., Якобсон Р. Указ. соч. С. 34.
³² Там же.
³³ Там же.
³⁴ Там же. С. 49.
³⁵ Там же.
³⁶ Там же.
³⁷ См.: Сравнительный указатель сюжетов : Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

УДК 821.161.1.09-7+070(470)17691

ЖУРНАЛ В. В. ТУЗОВА «ПОДЕНЬШИНА»: ПОЭТИКА И ИДЕОЛОГИЯ

Л. А. Трахтенберг

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
E-mail: Lev_A_T@inbox.ru

В статье показано, что журнал «Поденьшина», выходящий в 1769 г., представляет интерес как в формальном, так и в содержательном отношении. Своеобразие его структуры определяется единством сюжета, где центральный персонаж – вымышленный издатель журнала. Содержание «Поденьшины» характеризуется просветительской установкой.

Ключевые слова: русская литература XVIII в., сатирический журнал, поэтика, эпоха Просвещения.

V. V. Tuzov's Journal *Podenshchina* (Day Labour): Poetics and Ideology

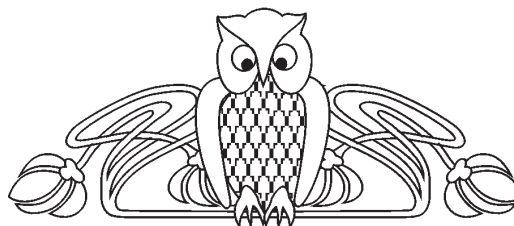
Л. А. Trakhtenberg

The article shows that the journal *Podenshchina* (Day Labour) published in 1769 is of interest from both formal and information point of view. The peculiarity of its structure lies in the plot unity where the central character is an imaginary journal publisher. The content of *Podenshchina* magazine is characterized by its educational policy.

Key words: Russian literature of the XVIII century, satirical journal, poetics, Enlightenment.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-3-261-267

Сатирический журнал В. В. Тузова «Поденьшина» выходит в 1769 г. В истории русской литературы этот год отмечен исключительным событием: один за другим появляются восемь сатирических журналов, притом что этот тип издания, возникший в Англии на рубеже 1700–1710-х гг. и за прошедшие полвека завоевавший популярность в Западной Европе, ранее не был представлен в России ни одним образцом. Первым среди этих изданий становится «Всякая всячина». Этот журнал основан Екатериной II; факт ее участия в издании, возможно, известен современникам, но не обсуждается в печати. Далее следуют «И то и

сё», «Полезное с приятным», «Ни то ни сё», «Поденьшина», «Смесь», «Трутень», «Адская почта». Из них не все продолжают даже до конца года, лишь два – «Всякая всячина» и «Трутень» – выходят и в следующем году.

Среди этих журналов положение «Поденьшины» оказывается особым. Из всех восьми это единственное еженедельное издание, в то время как большинство журналов 1769 г. еженедельные, «Полезное с приятным» печатается вначале два раза в месяц, затем еженедельно, а «Адская почта» – ежемесячно. Издание «Поденьшины» продолжается лишь немногим более месяца, с 1 марта по 4 апреля (с перерывом в неделю от 1 до 8 марта¹, так как по примеру «Всякой всячины» на первой неделе Великого поста «Поденьшина» не выходит²); другие журналы держатся дольше. Несмотря на свою недолгую историю, этот журнал интересен – и в формальном, и в содержательном отношении; предложенные в нем художественные решения выдают оригинальность идеи и общественную значимость замысла.

Об авторе, В. В. Тузове, известно не много. Принадлежность журнала «Поденьшина» именно ему устанавливается на основе сообщения Н. И. Новикова в «Опыте исторического словаря о российских писателях»³. Новиков также указывает, что Тузову принадлежат две опубликованные оды (из них известна одна, на день рождения Екатерины II, напечатанная в том же 1769 г., что и журнал⁴), а также «довольно шуточных стихов и несколько песен»⁵, оставшихся неизданными. Кроме того, Тузов участвует в деятельности Собрания, старающегося о переводе иностранных книг: он переводит двадцать шесть статей из «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел», посвященных исчислению времени. Они составляют книгу «Статьи о времени и разных счислениях оно, из Энциклопедии»⁶, изданную в 1771 г.

Как и во многих других сатирических журналах, в «Поденьшине» создан образ издателя, далекий от личности издателя биографического. В данном случае эта дистанция особенно заметна. Если В. В. Тузов – офицер, вышедший в отставку с капитанским чином⁷, то издатель-персонаж, очевидно, не дворянин и занимается ручным трудом. Он остается безымянным, но в первом номере журнала, за 1 марта, дается его характеристика, краткая, однако информативная:

Я здесь человек новый, и нет тому еще недели, как сюда приехал из Алатора, тамошнего посаду, искусством маляр, от роду мне сорок два года, вдов, грамоте читать и писать не доволен⁸.

Структура этой характеристики воспроизводит формуляр, обычный для официальных документов XVIII века. См., например:

От роду мне 67 лет, вдов, жительство имею при полотняной и бумажной фабриках.

Сказка А. А. Гончарова (1772 г.)⁹.

Слово *маляр* в XVIII в. может означать художника. «Словарь русского языка XVIII века» дает следующее толкование: «Живописец, художник; тот, кто рисует, расписывает красками»¹⁰. Именно в этом значении слово *маляр* использовано, в частности, в известной сцене, которую В. К. Тредиаковский «добавляет» к пьесе А. П. Сумарокова «Тресотиниус», помещая ее в постскриптуме к «Письму, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанному от приятеля к приятелю». В ней персонаж по имени Архисотолаш (в этом комическом образе Тредиаковский вывел Сумарокова) говорит, что он «публичный маляр и намалевал на рынок картин с семь, которые так живы, что все говорят, как сойки»¹¹. Толкование «плохой, неискусный живописец, художник» в «Словаре русского языка XVIII века» дается как оттенок значения с пометой «уничжительное»¹². Пейоративный элемент значения слова *маляр*, когда оно выступает в значении «художник», обязательный сейчас (в новом «Большом академическом словаре русского языка» для этого слова даются два значения: «МАЛЯР, а, м. 1. Рабочий, занимающийся окраской зданий, ремонтом помещений и т. п. <...> 2. Перен. О плохом художнике (с оттенком пренебрежительности)»¹³) и отмеченный уже у В. И. Даля (здесь значения не дифференцированы: «Маляр м., грубый, простой живописец, малевальный мастер, ремесленник, занимающийся окраской и размалевкою комнат, повозок и пр.», при этом *малевать* – «расписывать красками, писать грубо кистью»¹⁴), в XVIII в. необязателен. Его, очевидно, нет в следующем примере:

<...> купили прекрасную картину, Диетриком писанную, за 25 луйдоров; можно сказать, что штука сего малера совершенно оконченная¹⁵.

Зато он очевиден в контексте из сатирического письма, помещенного в журнале «Живописец». Вымышленный автор письма – чиновник-взяточник

– так выражает презрение к издателю (читатель, разумеется, должен осознавать, что именно этот персонаж, а не издатель, является объектом сатиры):

Ну, брат маляр, образумился ли ты? Послушай, хотя ты меня и обидел, однако ж я суда с тобою заводит не хочу, ежели ты разделаешься со мною добрым порядком и так, как водится между честными людьми¹⁶.

Коннотативный потенциал слова выявляет контекст, где оно используется в ряду приемов речевой характеристики. Эту функцию оно выполняет в реплике Хавроньи из комедии А. П. Сумарокова «Рогоносец по воображению», современной журналу Тузова (П. Н. Берков предлагает датировку после 1769 и не позднее 1773 г.¹⁷), наряду с другими словами и выражениями, употребление которых должно свидетельствовать о недостаточной образованности говорящего:

Да, я его высокой милости, покуль душа в теле, не позабуду; и коли бы он такую мне многогрешной показал отеческую милость и велел бы маляру красками написать персону свою, я бы ее у себя поставила перед кроватью и не спустила бы с нее глаз¹⁸.

В ряде контекстов слово *маляр* присоединяет к основному значению – «художник», видимо, не только и не столько оценочную, сколько социальную характеристику. *Маляром* называют, например, крепостного художника. Так, в следующем примере из мемуаров И. М. Долгорукова:

Он рассуждал здраво о предметах, одного смысла требующих, потому что имел его довольно, но, не получив никакого просвещения, он дурчился, когда трактовал о живописи, судя по малевкам своего крепостного маляра, о музыке, наслушавшись пензенских скрипачей <...>¹⁹

Видимо, в первую очередь социальный смысл выражает это слово и в «Поденьшине». Герой характеризуется как человек, зарабатывающий на жизнь трудом; живопись для него – это прежде всего ремесло:

На родине моей кормился я ремеслом своим; однако ж труды мои там были не весьма прибыточны; а прослышал я, что в столичных городах копейка достается легче: и так вознамерился я путешествовать²⁰.

С темой ремесленного труда связано и название журнала. Оно представляет собой пример языковой игры, соединяя в одном контексте два значения. С одной стороны, оно указывает на периодичность выхода, как и дублирующий его подзаголовок: «Поденьшина, или Ежедневные издания»²¹; с другой – отсылает к образу издателя, по основному значению слова *поденщина*: «Работа, за которую каждый день выдается известная плата»²².

Композиция журнала «Поденьшина» ориентирована на дневниковую форму. В ее основе – повествование о приезде рассказчика из Алатора сначала в Москву, а потом – в Петербург; точнее, читатель видит его уже в Петербурге, а сообщение о путешествии через Москву дается как пре-

дыстория в форме вставного эпизода. Как это типично для сюжетов путешествия, композиция «Поденьшины» реализует циклическую модель²³: повествование завершается возвращением к исходной точке – отъездом героя на родину.

Сюжетная композиционная база – особенность, отличающая «Поденьшину» от большинства современных ей сатирических журналов. Даже в таком журнале, как «И то и сё», где характеристике вымышленного издателя уделено много места, повествовательный элемент развит мало; вокруг образа издателя не формируется связный сюжет.

Однако и в «Поденьшине» сюжет служит, прежде всего, для придания тексту связности; цели вызвать у читателя интерес к сюжетной динамике автор, очевидно, не ставит. Структура журнала сопоставима с жанровой моделью обрамленной повести. Рамочная конструкция позволяет вводить фрагменты различных структурных типов, создавая цепочки мотивировок.

Так, в номере за 1 марта, имеющем намного больший объем, чем прочие (поскольку на протяжении следующей недели журнал не выходит), рассказывается о том, как издатель-«маляр» и его племянник отправляются из Алатора в Москву. По дороге они встречают дворянина со свитой слуг, который предлагает племяннику принять его на службу гусаром, а когда тот отказывается, хочет его выкрасть, но этот замысел раскрывает героям его повар, благодаря чему они успевают уехать²⁴. Эта сюжетная линия не получает подробной разработки, зато становится мотивировкой ввода нравоописательных картин. Сначала свита дворянина кратко описывается с точки зрения рассказчика, затем характеризуется в диалоге рассказчика с эпизодическим персонажем – поваром (в дальнейшем именно этот повар предупреждает его о замысле дворянина), потом снова следует описание с точки зрения рассказчика – стороннего наблюдателя, реализующее прием остранения: поначалу он не может различить богатого дворянина и его парикмахера. Из этих элементов складывается сатирическая характеристика типа дворянина, живущего не по средствам. Сюжетная мотивировка позволяет представить характеристику в динамической форме.

В том же номере помещен эпизод, происходящий по приезду рассказчика в Москву: он расписывает сундуки в доме у вдовы и случайно слышит, как она рассказывает об управляющем ее именем²⁵. Вдова довольна управляющим, которому платит небольшое жалованье, но, расспросив о нем других, рассказчик узнает, что он «сверх господского оброку имеет и свой с каждой же души»²⁶. Таким образом вводится сатирическая характеристика управляющего-плута. При этом контраст двух точек зрения усиливает сатирический эффект.

Рассказ о приезде в Петербург завершает номер за 1 марта. Случайное знакомство с «печатными листами» – журналом «И то и сё» (с которым

«Поденьшина» вступает в полемику)²⁷ – мотивирует решение рассказчика издавать свой журнал; мотивировка носит иронический характер.

В дальнейшем сюжетная мотивировка введения эпизодов чередуется с ассоциативной. Уже в следующем номере, за 8 марта, незначительное в сюжетном отношении событие – знакомство рассказчика с отставным приказным – дает начало ряду эпизодов, мотивирующих ввод фрагментов информативно-описательного характера. Сын приказного, щеголь, «просит денег на какое-то сазонное (так! – Л.Т.) платье»²⁸. Отец решает, что имеется в виду платье «сазанное» – из кожи рыбы сазана; в сноске сообщается, что рыбаки «в низовых городах» действительно носят одежду из рыбьей кожи²⁹. Сын, однако, объясняет, что ему нужна модная шелковая одежда – не *сазанное* платье, а *сезонное*, подходящее ко времени года. Комическое смешение слов *сазанский* и *сезонный* мотивирует, с одной стороны, ввод этнографического замечания, что отражает интерес к народному быту, характерный для журнала «Поденьшина» в целом, а с другой, позволяет сделать отступление о значении заимствованного слова *сезон*. Что оно значит, издатель узнает у француза-камердинера; толкование вводится как пересказ его слов от лица издателя³⁰. В номере за 10 марта издатель рассказывает о том, что с началом *весеннего сезона* (предшествующий номер, за 9 марта, занят риторически оформленным описанием весенней погоды) он делает себе новый кафтан и камзол; костюм оказывается холодным, и хозяин дома, где он остановился, зовет лекаря-колдуна, чтобы излечить его от простуды. Эта цепь событий мотивирует переход к теме колдовства, которая развивается на протяжении нескольких номеров.

Колдун, который в тексте чаще именуется *ворожеем*³¹ или *ворожейей*³², рассказывает, как приобрел и применяет магические знания и силу. В его рассказе обнаруживается комплекс мотивов, обычных для быличек о колдунах: магической силой его наделяет ведьма, которая принимала облик птицы (сюжет ГП 1а по указателю В. П. Зинovieва³³); она учит колдуна «отпускать» свадьбу, предохраняя ее от порчи, которую может навести другой колдун (ГП 6б и ГП 6а); он лечит болезни (ГП 24) и снимает порчу, предсказывает будущее (ГП 9). Рассказчик же, отрицая магию с просветительских и религиозных позиций, переубеждает колдуна, так что тот «обещается ремесло свое бросить, возвратиться в деревню и быть трудолюбивым пахарем»³⁴.

Он использует два аргумента, из которых один принадлежит «ученой» культуре, другой – «народной». Сначала он приводит цитаты из дидактической поэмы Овидия «Средства для лица» (далее, в номерах «Поденьшины» за 24–28 марта, будет помещен перевод из поэмы Овидия, включающий эти фрагменты³⁵). В цитируемом тексте Овидия реализована антитеза: доказывается бессилие мнимого волшебства перед любовью.

Затем в «Поденьшине» следует сюжет фольклорного происхождения, пародийно трактующий традиционную для быличек тему соперничества колдунов. В этом рассказе колдуну разоблачает солдат. Сюжеты о столкновении колдуна и солдата знакомы фольклору, причем в различных версиях – «серьезной» и пародийной. В первом случае вера в магию составляет пресуппозицию сюжета, но солдат побеждает колдуна, так как обладает большей магической силой (например, в сказке № 378 из сборника А. Н. Афанасьева³⁶); это, собственно, одна из разновидностей распространенного сюжета «Дока на доку» о противоборстве колдунов³⁷ (во многих диалектах обычно именование колдуна *докой*³⁸). Во втором случае, напротив, солдат изобличает бессилие колдуна, побеждая его хитростью; подобное сюжетное развитие характерно для новеллистических сказок. Здесь пресуппозиция другая: магическая сила колдуна отрицается, он представлен как обманщик, которого солдату удастся разоблачить. Таков вариант, зафиксированный С. В. Максимовым³⁹; именно к нему близка версия «Поденьшины».

Рассказ в «Поденьшине» ведется с точки зрения солдата: при первом упоминании антагонист солдата назван «белобородым стариком»⁴⁰, т. е. читатель лишь по ходу повествования с его же слов, переданных в форме косвенной речи, узнает, что он приписывает себе магические способности. В фольклорных версиях, как серьезных, так и пародийных, встреча солдата и колдуна обычно происходит на свадьбе. В «Поденьшине» этой подробности нет, но при столкновении также присутствует множество зрителей – «великий сонм мужиков, сидящих около долгого стола»⁴¹. Публичность действия в данном случае, конечно, сюжетообразующий мотив. В рассказе из «Поденьшины» солдат побеждает старика-колдуна не хитростью, а обыкновенной силой. Мнимый колдун единственный из присутствующих не встает при его появлении и наказан за это побоями. Униженный, он предлагает своему обидчику плату за то, чтобы тот принял участие в обмане, сам притворившись колдуном и перед всеми признав магическую силу старика больше собственной: для этого солдат должен, «мимо идучи стоявшего на дворе народа», сказать: «*вот то-то дока, что и меня передочил*»⁴². Параллели с фольклорными записями позволяют видеть в этих словах, по существу, ритуальную формулу.

Диалог рассказчика – «маляра» и колдуна в «Поденьшине» выражает идейный конфликт просвещения и невежества. В этом конфликте защитником идеи просвещения выступает не только рассказчик. Колдун признается, что в Петербурге «на промысел его походу весьма мало»⁴³, и вот почему:

*По всем городам заведены училища; во многих печатают книги; народ оттого просвещается <...>*⁴⁴

Это объяснение вводится с помощью многоуровневой речевой структуры: слова колдуна переданы в составе рассказа от лица издателя как косвенная речь, а колдун, в свою очередь, пересказывает слова цыган, советовавших ему не ездить в Петербург; однако звучит оно как просветительский манифест.

От критики современных русских магических верований Тузов переходит к очерку истории магии у других народов, дабы показать, «что то же самое, или еще и хуже, и во всех других народах было и есть»⁴⁵. Он специально указывает на неоригинальность этого фрагмента: «И потому сколько могу отовсюды выписать и сколько теснота листков моих позволит, вкратце осмелюсь предложить читателям»⁴⁶. Далее в журнале сообщаются, «с помощью же выписки»⁴⁷, сведения о разных видах искусства – живописи, архитектуре, музыке.

Источник, использованный в этих статьях Тузовым, до сих пор не был установлен. В. Д. Рак высказал гипотезу, что это могло быть справочное издание⁴⁸. Гипотеза эта подтверждается. Как нам удалось установить, Тузов пользуется, очевидно, «Словарем французского языка» П. Ришлэ – классическим памятником французской лексикографии, первым среди трех важнейших ранних словарей французского языка (следующие – словарь А. Фюретьера и словарь Французской академии). Большая часть статьи «О архитектуре» в журнале «Поденьшина» представляет собой перевод статьи «Architecture» из этого словаря; он также использован в статье «О музыке» и в статьях, посвященных магии.

Некоторые фрагменты статей в журнале «Поденьшина» представляют собой довольно точные переводы из словаря Ришлэ, как следующий пример из статьи «О архитектуре»:

«История повествует, что до нападения галлов, кои пожгли римские хижины, народ сей не обитал как в маленьких и низких домиках, в коих по правилам сделанного ничего не было. Однако ж Рим вид свой совсем переменял в последовании. Римляне, подражая один другому, начали строить наперерыв прекрасные и огромные здания, коих и ныне остались еще достопамятные знаки».

(В. В. Тузов «Поденьшина»)⁴⁹.

«L'Histoire nous apprend, que jusques à l'invasion des Gaulois, qui brûlerent les chaumières des Romains, ce peuple n'habitoit que de petites maisons basses, & qui n'avoient rien de régulier. Mais Rome changea bien, dans la suite, de face : les Romains, par une noble émulation, éleverent, à l'envi, de superbes bâtimens, dont il nous reste quelques monumens».

(P. Richelet «Dictionnaire de la langue française»)⁵⁰.

Однако в других случаях Тузов, заимствуя из источника факты, излагает их иначе, отбирая то, что считает интересным. Вот как, например, он в статье «О музыке» сообщает о происхождении флейты и этимологии ее названия:

«Флейте, или дудке, по-латыне *fistula* и *tibia* называемой, некоторые начало производят от кости оленьей ноги, потому что кость та называется

tibia же, иные производят от слова *tybin* тростник, потому что сие произражение больше служило к пастушьей забаве».

(В. В. Тузов «Поденьшина»)⁵¹.

«*Flute. Tibia* en Latin. On donne plusieurs étimologies à ce mot. Isidore, *Origin. lib. 2. c. 20.* a dit que la flute fut apellée par les Latins, *tibia*, parce que l'on se servit d'abord de l'os de la jambe d'un cerf, apellé *tibia*, pour en faire une flute, à qui l'on donna le nom de *tibia*. L'ancien Etimologique dérive ce mot de *tybin*, un jonc, parce que les joncs ont été très-propres pour divertir les bergers en soufflant dans la tige: on se servoit pour ce badinage pastoral, non seulement de joncs, mais encore d'une plante apellée *lotos*, dont Ovide a fait mention dans ses *Fastes*, liv. 4.»

(P. Richelet «Dictionnaire de la langue française»)⁵².

Трансформация источника свидетельствует о том, что внимание Тузова направлено не на слово, а на вещь. Этимологические гипотезы интересуют его постольку, поскольку из них можно извлечь сведения историко-культурного характера. При этом тем сведениям, которые в источнике выступают лишь во вспомогательной роли аргументов, придается самостоятельное значение. Используя фактический материал словаря, Тузов меняет интенцию текста в соответствии с просветительской установкой – расширить гуманитарную образованность русского читателя.

Круг источников Тузова, конечно же, шире. В статье о талисманах, продолжающей рассуждение о магии, он ссылается на «Книгу систима, или Состояние мухаммеданския религии» Д. К. Кантемира⁵³. Из нее он почерпнул сведения о талисманах в мусульманском мире, где они, как указывает Кантемир, носят название *Тылсым*. К этой книге восходят легенды о колонне с изображением трех змеев, которая якобы охраняла Константинополь от змей, и о таинственной двери, ведущей в недра горы в предместье Константинополя, которую будто бы нельзя было открыть под страхом немедленной смерти⁵⁴.

В последних мартовских номерах журнала напечатан перевод поэмы Овидия «Средства для лица» под названием «Искусство украшать лицо»⁵⁵, «Перевод из мнений графа Оксенштерна. О смехе»⁵⁶, перевод двух басен Ф. Фенелона⁵⁷. По предположению В. Д. Рака, отрывок из Оксенштерна и басни Тузов, возможно, переводит по тексту грамматики французского языка Д.-Э. Шоффена⁵⁸. Кроме того, важное место в «Поденьшине» занимают полемические статьи, направленные против журнала «И то и сё».

Структура журнала производит впечатление неоднородности. В его составе можно выделить две крупных части. Первая, с 1 по 15 марта, состоит из фрагментов, сюжетно мотивированных и, по-видимому, оригинальных. Вторая же, с 16 по 29 марта, занята переводом и пересказом разных, преимущественно иноязычных, источников, где сюжетная мотивировка ослаблена, а иногда и отсутствует. Впрочем, граница между ними фор-

мально не маркирована. Номера за 30–31 марта выполняют функцию заключения, а номера за 1–4 апреля, в которых помещены арабские, персидские, турецкие и татарские слова с толкованиями и этимологическими сопоставлениями, играют роль своеобразного постскриптума.

Однако даже в условно выделяемой второй части сюжетная мотивировка не исчезает вовсе. Как отмечено выше, первые ее номера в содержательном отношении связаны с предшествующей частью: тема волшебства сначала раскрывается на современном русском материале, затем преимущественно на историческом и зарубежном, но в связи с рассказом о гадании делается отступление о русских приметах. Отсылка к характеристике фиктивного издателя, данной в номере за 1 марта, делается и в номере за 21 марта – первом в ряду выпусков «Поденьшины», посвященных искусству. Среди трех рассмотренных в журнале видов искусства первой описывается живопись; такой порядок мотивируется родом занятий издателя: «Итак, начну мастерством своим»⁵⁹.

Характеристика фиктивного издателя оказывается непоследовательной. С одной стороны, как уже было отмечено, вначале он говорит о себе, что «грамоте читать и писать не доволен». Слово *довольный* в XVIII веке может, согласно толкованию «Словаря Академии Российской», означать: «Имеющий столько способности, сколько к отправлению известного дела потребно»⁶⁰; издатель, следовательно, характеризуется, по крайней мере, как малограмотный, если вообще умеющий читать и писать. С другой стороны, в дальнейшем от лица издателя сообщаются сведения, заведомо требующие не только грамотности, но и эрудиции. Более того, образованность, просвещение не только становится условием его журнальной работы, но и осознается как принципиальная позиция. Обращаясь к читателям с осуждением магических суеверий, он апеллирует к разуму:

Оставляю рассуждать разумному читателю о великости моего терпения при слушании такой вздорной повести.

Может быть, и не был бы я столько терпелив, если б не знал сам точно, что есть такие люди, которые всему тому верят; да и не из тех одних, коим недостает учения, а из таких, которым бы непременно должно лучше быть воспитанным»⁶¹.

Далее сообщение сведений об искусстве мотивируется просветительской целью:

Радетельным причина будет к пользе сограждан своих изъяснить об оном что больше, а неведающие еще удовлетворят чрез то своему любопытству»⁶².

То, что защитником идей просвещения Тузов делает ремесленника, если и не вполне типично для русской культуры XVIII в., то едва ли случайно. Для просветительской общественной мысли характерен не только протест против сословных предубеждений, но и обоснование культурной ценности ремесленного труда. «Энциклопедия» Д. Дидро и

Ж. Л. Д'Аламбера, статьи из которой, как отмечено выше, переводит Тузов, приобретает значение манифеста. Значимо не только упоминание *ремесел* в ее названии. Подробное описание технологических процессов, предпринятое в «Энциклопедии», имеет целью доказать несправедливость традиционного пренебрежения к ремеслу⁶³. Обучение ремеслам пропагандируется и в некоторых педагогических системах эпохи Просвещения: его необходимость доказывают Дж. Локк и Ж.-Ж. Руссо.

Иронически критикуя предрассудки с просветительских позиций, издатель «Поденьшины» сознает свою принадлежность к тому обществу и тому социальному слою, которым еще только предстоит эти предрассудки изжить; о них он продолжает говорить *мы*. Вот как в номере за 1 марта он характеризует обычаи Масленицы и начала Великого поста, как в провинции, так и в столице:

*Сию неделю у нас препровождают по большей части в пьянстве; да и здесь нашел я нечто на то похожее*⁶⁴;

*В чистый понедельник у нас в Алаторе поздравляют друг друга на хрен и на редьку, и многие во очищение себя будто от масляной пищи полощут рот; однако ж не водою, а водкою и вином. Не знаю еще, есть ли таков обычай здесь <...>*⁶⁵

Принимая просвещение и в то же время не порывая окончательно с традиционной культурой, издатель «Поденьшины» выступает как посредник, медиатор между двумя культурными мирами. Этот образ самим фактом своего существования отрицает идею непреодолимой границы между сферами просвещения и невежества, отождествляемой с разделяющим сословия барьером. Он позволяет, по крайней мере теоретически, обратиться к широкой аудитории, доказывая, что приблизиться к просвещению могут все.

Так Тузов, используя форму сатирического журнала, выступает защитником просветительской идеологии культурного универсализма. Сообщая в журнале сведения из истории мировой культуры, расширяющие общекультурный кругозор читателя, и в образе издателя подавая пример приобщения к просветительским ценностям человека, стоящего за пределами дворянского сословия, Тузов на практике реализует эти идеологические установки, содействуя распространению просвещения в России.

Примечания

- 1 См.: Берков П. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 242–243.
- 2 См.: Поденьшина, сатирический журнал В. Тузова. 1769 / изд. А. Афанасьева. М., 1858. С. 5–6. См. также: Всякая всячина. [СПб., 1769]. С. 56.
- 3 См.: Новиков Н. Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий. СПб., 1772. С. 228.

- 4 См.: Степанов В. Тузов Василий Васильевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. СПб., 2010. С. 279. Ода выходит отдельным изданием: Тузов В. Ода ея имп. величеству всепресветлейшей государыне Екатерине Алексеевне ... на всерадостный день рождения ея апреля 21 дня 1769 года, во вторник светлыя недели. Всеусерднейшее приношение от всеподданнейшего раба Василья Тузова. СПб., [1769] (См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800 : в 5 т. Т. III. М., 1966. С. 249. № 7390).
- 5 Новиков Н. Опыт исторического словаря о российских писателях... С. 228.
- 6 Статьи о времени и разных счислениях онаго, из Энциклопедии / пер. В. Тузов. СПб., 1771 (См.: Семенников В. Собрание старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768–1783 гг. : Историко-литературное исследование. СПб., 1913. С. 40. № 30).
- 7 См.: Степанов В. Тузов Василий Васильевич. С. 279.
- 8 Поденьшина, сатирический журнал В. Тузова. 1769. С. 6–7.
- 9 Рубинштейн Е. Полотняная и бумажная мануфактура Гончаровых во второй половине XVIII века. М., 1975. С. 16.
- 10 Словарь русского языка XVIII века. Вып. 12. СПб., 2001. С. 55.
- 11 Куник А. Сборник материалов для истории имп. Академии наук в XVIII веке. Ч. II. СПб., 1865. С. 498. См. интерпретацию этого фрагмента: Гринберг М., Успенский Б. Литературная война Третьяковского и Сумарокова в 1740-х – начале 1750-х годов // Успенский Б. Вокруг Третьяковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. М., 2008. С. 254; Его же. К истории одной эпиграммы Третьяковского (эпизод языковой полемики середины XVIII века) // Там же. С. 480.
- 12 Словарь русского языка XVIII века. Вып. 12. С. 55.
- 13 Большой академический словарь русского языка : в 17 т. Т. 9. М.; СПб., 2007. С. 486.
- 14 Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 ч. Ч. II. М., 1865. С. 891.
- 15 Журнал путешествия... Н. А. Демидова по иностранным государствам с начала выезда его из Санкт-Петербурга 17 марта 1771 года по возвращение в Россию ноября 22 дня 1773 года. М., 1786. С. 25. Ср.: Словарь русского языка XVIII века. Вып. 12. С. 55.
- 16 Живописец, еженедельное на 1772 год сочинение : в 2 ч. Ч. II. СПб., 1773. С. 244.
- 17 См.: Берков П. История русской комедии XVIII в. Л., 1977. С. 134–135.
- 18 Сумароков А. Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе / Собраны и изданы... Н. Новиковым : в 10 ч. Ч. VI. М., 1781. С. 9.
- 19 Долгоруков И. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего... / публ. Н. В. Кузнецовой, М. О. Мельцина ; отв. ред. В. П. Степанов : в 2 т. Т. 1. СПб., 2004. С. 280–281.
- 20 Поденьшина, сатирический журнал В. Тузова. 1769. С. 11.

- 21 Поденьшина, сатирический журнал В. Тузова. 1769. С. 3.
- 22 Словарь Академии Российской : в 6 ч. Ч. II. СПб., 1790. Стб. 585.
- 23 См.: *Тамарченко Н.* Часть вторая. Литература как продукт деятельности : теоретическая поэтика. Раздел второй. Структура произведения // Теория литературы : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. Т. 1 : Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М., 2004. С. 204.
- 24 См.: Поденьшина, сатирический журнал В. Тузова. 1769. С. 11–20.
- 25 Там же. С. 22–24.
- 26 Там же. С. 23–24.
- 27 Там же. С. 24.
- 28 Там же. С. 32–33.
- 29 Согласно Словарю Академии Российской, слово *низовый* (и *понизовый*) относится к «местам, городам, селениям, ближе к устью какой реки лежащим» (Словарь Академии Российской. Ч. IV. СПб., 1793. Стб. 529). В частности, это слово употребляется в XVIII в. для обозначения волжских городов на юг от Самары (См.: *Милюков П.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Изд. 2-е. СПб., 1905. С. 246, 262).
- 30 См.: Поденьшина, сатирический журнал В. Тузова. 1769. С. 38–39.
- 31 Там же. С. 43, 60.
- 32 Там же. С. 44, 48, 53.
- 33 Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987. С. 316–318 (перечень сюжетов о колдунах).
- 34 Поденьшина, сатирический журнал В. Тузова. 1769. С. 60.
- 35 Там же. С. 97–108.
- 36 См.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 т. / изд. подг. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков ; отв. ред. Э. В. Померанцева, К. В. Чистов. Т. 3. М., 1985. С. 91–92. См. также: *Мазалова Н.* Смех в магических практиках русского колдуна // «Уведи меня, дорога» : Сборник статей памяти Т. А. Бернштам / под ред. Н. Е. Мазаловой, И. Ю. Винокуровой, В. А. Лапина, О. М. Фишман. СПб., 2010. С. 190–191.
- 37 См.: Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. С. 317, сюжет Г II бв.
- 38 См.: *Кругликова Л.* От доки до неуча // Русская речь. 1996. № 1. С. 113–114 ; Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Л., 1972. С. 96.
- 39 См.: *Максимов С.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 123–125. См. также: *Добровольская В.* Народные представления о колдунах в сказочной прозе // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре : Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор / сост. И. А. Морозов, отв. ред. С. П. Бушкевич. М., 2001. С. 101.
- 40 См.: Поденьшина, сатирический журнал В. Тузова. 1769. С. 58–59.
- 41 Там же. С. 58.
- 42 Там же. С. 59.
- 43 Там же. С. 55.
- 44 Там же.
- 45 Там же. С. 61.
- 46 Там же. С. 62.
- 47 Там же. С. 81.
- 48 См.: *Рак В.* Иностранная литература в русских журналах XVIII века (Библиографический обзор) // Русско-европейские литературные связи. Энциклопедический словарь. СПб., 2008. С. 369
- 49 См.: Поденьшина, сатирический журнал В. Тузова. 1769. С. 90.
- 50 *Richelet P.* Dictionnaire de la langue françoise, ancienne et moderne. Augmenté de plusieurs additions d'histoire, de grammaire, de critique, de jurisprudence, et d'une liste alphabétique des auteurs et des livres citez dans ce dictionnaire. Nouvelle édition augmentée d'un grand nombre d'articles. T. 1. Amsterdam, 1732. P. 115.
- 51 Поденьшина, сатирический журнал В. Тузова. 1769. С. 94.
- 52 *Richelet P.* Dictionnaire de la langue françoise, ancienne et moderne... T. 1. P. 708.
- 53 См.: Поденьшина, сатирический журнал В. Тузова. 1769. С. 69.
- 54 Там же. С. 69–70 ; ср.: *Кантемир Д.* Книга систима, или Состояние мухаммеданския религии. СПб., 1722. С. 372–373.
- 55 Поденьшина, сатирический журнал В. Тузова. 1769. С. 97–108 (номера за 24–28 марта).
- 56 Там же. С. 108–111 (номер за 28 марта).
- 57 Там же. С. 111–115 (номер за 29 марта).
- 58 См.: *Рак В.* Гипотезы об издателе журнала «Смесь» // XVIII век : сб. 16. Л., 1989. С. 100 (Приложение № 3, 4) ; *Его же.* Иностранная литература в русских журналах XVIII века (Библиографический обзор). С. 369.
- 59 Поденьшина, сатирический журнал В. Тузова. 1769. С. 82.
- 60 «Словарь Академии Российской» именно это значение указывает первым (вторым – «многочисленный», третьим – «достаточный», «не желающий, не требующий более, как сколько есть», четвертым – «чувствующий от других удовольствие», с примером из «Письма о пользе стекла» М. В. Ломоносова: «Довольна чадом мать, доволен им отец»). (См.: Словарь Академии Российской. Ч. I. СПб., 1789. Стб. 836–837).
- 61 Поденьшина, сатирический журнал В. Тузова. 1769. С. 52–53.
- 62 Там же. С. 81.
- 63 См.: *Sewell W.* Work and revolution in France : the language of labor from the Old Regime to 1848. Cambridge ; N. Y., 1980. P. 65 ff. ; *Applebaum H.* The concept of work : ancient, medieval, and modern. Albany (N. Y.), 1992. P. 378 ff. ; *Werner S.* Blueprint : a study of Diderot and the Encyclopédie plates. Birmingham (Ala.), 1993. P. 49–50, 57 ; *Pannabecker J.* Diderot, the Mechanical Arts, and the Encyclopédie : In Search of the Heritage of Technology Education // Journal of Technology Education. 1994. Fall. Vol. 6, № 1.
- 64 Поденьшина, сатирический журнал В. Тузова. 1769. С. 7.
- 65 Там же. С. 9–10.